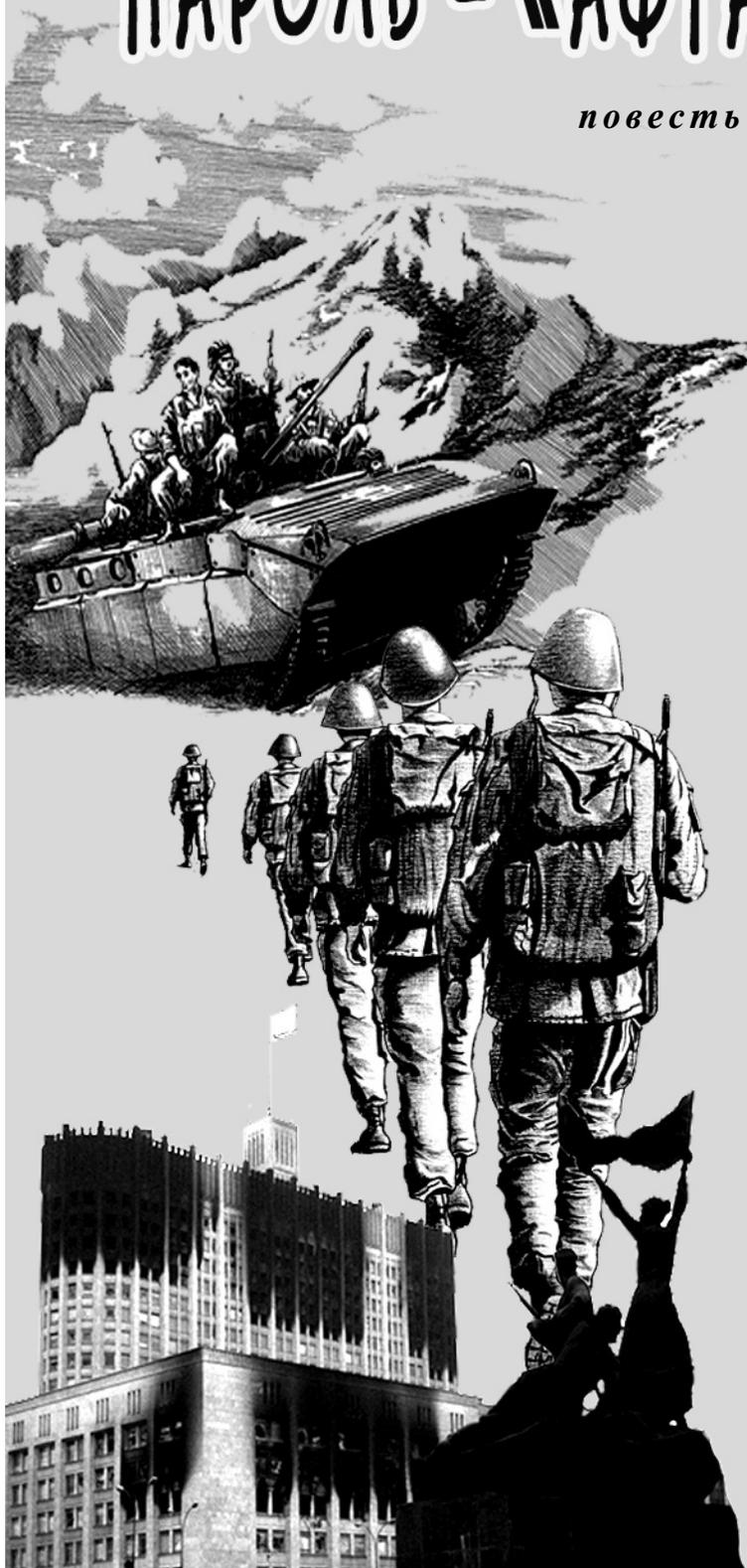

ПАРОЛЬ - «АФГАН»

повесть

Ильяс
ДАУДИ
г. Москва

1987 год, середина лета.
Москва – Ленинград

Друзья, Сидор – Сергей Сидоренко, Руст – Рустам Тукаев и Костёр – Иван Костров, в ноябре 1986 года вернулись с Афганской войны. Попав в мирную жизнь, они начали налаживать быт. Сидор, кавалер ордена Красной Звезды и двух медалей «За отвагу», пользуясь преференцией ветерана войны, поступил на рабфак исторического факультета МГУ. Потерявший ноги Руст, пройдя череду госпиталей в Афганистане и Ташкенте, встал на протезы и восстановился на первый курс экономического факультета Московского института нефти и газа имени Губкина, откуда призывался в армию. А Костёр, отмеченный двумя орденами Красной Звезды, возвращаясь в институт, откуда призывался в армию, не стал, а решил поступить в Высшую школу КГБ СССР имени Дзержинского.

По предложению Руста в дни студенческих каникул друзья решили навестить в Ленинграде маму погибшего Стрелы – Людмилу Васильевну. Она приезжала к сыну в Сурхандарью на присягу, угощала ребят самсой и пловом, купленными в местной базарной чайхане. Тогда друзей было шестеро: Костян, Монгол, Руст, Костёр, Сидор и Стрела.

Поездка в Ленинград осложнялась тем, что записная книжка Руста, в которой был записан номер домашнего телефона и адрес Стрелы, была утрачена. Она пропала вместе с разрезанным медиками маскхалатом перед хирургической операцией в гарнизонном госпитале Шинданда. В памяти Руста после перенесённой вместе с ранением тяжёлой контузии сохранилось лишь, что жил Стрела на Полюстровском проспекте. Номер его дома, по отрывочным воспоминаниям, был то ли двадцать, а квартира – двадцать пять, то ли наоборот, а может, и ни то и ни другое.

Как бы то ни было, Руст, Сидор и Костёр, сев в поезд «Москва – Ленинград», тронулись в путь. Они заняли отдельное купе и, проговорив в пути всю ночь, утром прибыли на Московский вокзал Северной столицы.

Город встретил пасмурной погодой. На площади перед вокзалом, выстроившись в ряд, стояли десятка два такси со светящимися зелёными огоньками. Одетые в модные по времени джинсы и куртки «Montana» и «Ustop», купленные в афганских лавках, в фирменных кроссовках, с яркими спортивными сумками наперевес, друзья привлекли внимание тщедушного таксиста в потёртой кожанке и несуровой оранжевой кепке.

– Куда ехать?! – спросил он с прищуром, цвиркнув в сторону.

– Полюстровский проспект, – неохотно ответил Руст, оценив моветон таксиста.

Название проспекта было тем единственным, что он помнил твёрдо из адреса Стрелы.

– Какой дом? – попробовал уточнить таксист.

– Давай пока на Полюстровский, – дал целеуказание Костёр, – а там будет видно. Начнём с дома двадцать.

Таксист поглядел на друзей с опаской и указал на свою белую «Волгу ГАЗ-24» с шашечками. Руст сел вперёд, Сидор и Костёр – на заднее сиденье. После сорока минут езды по широкому проспектам и улицам Ленинграда такси въехало в безлюдную заброшенную промышленную зону. Помимо прочего, там были жилые дома, явно предназначенные под снос, – старинные, с царских времён. Друзья одновременно насторожились.

– Ты куда нас везёшь?! – с напором спросил Сидор.

– Так срежем. Путь будет короче, – ответил таксист, заметно нервничая.

Проехав ещё немного, он остановил машину у телефонной будки и, посетовав, что забыл что-то выключить дома, отпросился срочно позвонить. Таксист снял трубку и, начав с кем-то говорить, отвернулся от пассажиров. Через некоторое время обернулся, пристально поглядел на ожидавших в машине друзей и, будто проведя рекогносцировку¹, кому-то о них доложил.

Тут же четверо крепких молодцев, выскочивших из подъезда, обежали машину и, открыв передние и задние двери, приставили к горлу пассажиров финские ножи.

– Деньги и ценности выкладываем быстро! – прогорланил один из налётчиков. – Иначе порежем на ремни!

Паузы не было.

Сидор, Костёр и Руст мгновенно мобилизовались, крепко схватив налётчиков за руки, они затянули их в салон такси, а там, внутри, начали бить, сдавливая горло. Тогда в салон сунулся четвёртый член гоп-компании. Он полез через водительскую дверь, стараясь нанести удары по молотившим его корешей противникам. Но всё было тщетно. Друзья держали мертвой хваткой.

Таксист с ужасом наблюдал за происходившим из телефонной будки, но вмешаться не спешил. Тем временем драка из автомобиля переместилась на тротуар, где спустя пять минут Сидор уже добивал крайнего налётчика, лицо которого напоминало мякоть переспевшего арбуза. Трое его корешей, к тому времени обработанные Костром и Рустом, смирились с разгромом и, бросив подельника, хромая, держась за бока и вытирая с лиц кровь, поспешно удалились.

Как только гопники покинули место нападения, из окон дома, завешенного сохнувшим бельём, раздался женский крик: «Бандиты! Ты посмотри, что среди бела дня делают, а?! Сейчас в милицию позвоним!..»

– Вакханалия! – заметил Костёр, сплюнув на тротуар кровавую слюну.

– Видел бы покойный Стрела, как его родной Ленинград принимает ратных наперсников, непременно огорчился бы! – заключил Сидор.

Теперь к машине вернулся таксист. Он был в смятении от неожиданного исхода схватки, что подтвердило подозрение друзей в его причастности к налёту.

– Что, штопарь²-закоульщик, привёз нас на гоп-стоп?! – сразу припёр его к стенке Сидор. – Будешь теперь нас возить по городу, пока не отыщем нужного адреса. Или наш крепко контуженный споборитель³ впрасол⁴ вдрут не встанется⁵! Или нам огулом заслать-

ся на съезжий двор?! Выбирай, клевет презренный! — играл старинными словами Сидор, студент-историк, перед обескураженным таксистом.

Тот, вина во всем приневоливших его бандитов, выбрал первое.

Друзья заехали сначала на Полюстровский проспект, дом 20, квартира 25, потом в дом 25, квартира 20, а затем и по другим — со схожими цифрами — 0, 2, 5 — адресам. Квартира Стрельцовых не находилась.

Едва друзья вышли из такси у нового адреса и направились к подъезду, как услышали за спиной громкий шорох шин машины, рванувшей с места.

— Сбросил кандалы, ракалия^б! — пошутил Сидор.

— Вот ведь незадача! — усмехнулся Костёр.

— Надо искать районный военкомат РВК, к которому прикреплен Полюстровский проспект, — предложил Руст, понимая, что вариантов у них особо не осталось.

— Верная мысль! — поддержал Сидор.

Узнав от одного из прохожих адрес ближайшего РВК, друзья тотчас направились туда. Уже через пятнадцать минут они стояли у двери военкомата.

Уже был вечер пятницы. Рабочий день к тому времени закончился, дверь в РВК оказалась заперта, и на стук никто не отвечал. Друзья обошли здание с тыльной стороны и, обнаружив служебный вход, постучались. Из-за двери без политеса коротко спросили:

— Чего надо?

— Здравствуйте! Мы ветераны-афганцы. Приехали из Москвы навестить маму погибшего в Афганистане нашего товарища, — громко проговорил Руст. — Его звали Стрельцов Герман Владимирович. Могли бы вы дать нам домашний адрес Стрельцовых?

— Ничего не скажем! — послышался из-за двери грубый мужской голос. — РВК таких сведений не даёт! Приходите в понедельник к восьми утра к дежурному.

— Вы, наверно, не поняли, — вмешался Костёр. — Мы приехали из Москвы и не можем ждать до понедельника. У нас в этом городе никого нет.

За дверью замолчали. Отчаявшись получить адрес Стрельцовых, друзья сели на ступеньки служебного входа и призадумались. Что делать дальше?

Внезапно морок внутреннего двора РВК осветился яркими фарами и мигалками подкативших с сиренами милицейских уазиков. Слетевшие с них два наряда патрульно-постовой службы из местного РОВД, ничего не выясняя, пустили в ход резиновые дубинки, не давая друзьям сказать хоть слово. Чтобы умерить пыл переусердствовавших блюстителей порядка, друзья прибегли к силовому сдерживанию. Однако силы были неравные.

Прикрывая от ударов дубинками голени, лежавший на земле Руст прокричал что было сил:

— Нам кто-то объяснит, в чём наша вина?!!

— Сейчас мы повезём вас в РОВД и там продолжим объяснять, в чём ваша вина! — изрёк дебелистый старшина с чёрными усами в виде подковы, защёлкивая за спинами друзей, лежавших ничком на асфальте, наручники. — А ещё наши сотрудники снимут в травмпункте побои и на вас откроют уголовное дело по статье 191 часть 1 — за неповиновение и оказание сопротивления сотрудникам милиции с применением насилия и угроз при исполнении ими обязанностей службы.

Друзей затолкнули в отсек для задержанных уазика. Дверь за ними, оглушительно клацнув, захлопнулась. Неутомимый озлобленный старшина прильнул потным рылом к оконной решётке и желчно проговорил:

— А с учётом устойчивой группы каждый из вас получит по пятёрке!

— Чудак кавайный! — балагурил у решётчатого окна с измазанным лицом и рассечённой губой неунывающий Сидор, стряхивая пыль с джинсовой куртки, пуговицы которой были вырваны с корнем.

— Ничего не скажешь, радушный приём! — поддержал юмор Костёр. — Сначала — гопники, потом — дежурный РВК, а под занавес и милиция родная поучаствовала. Что будет дальше, не берусь даже предположить.

— А мы не к ним приехали! — веско сказал Руст, сжимая высунутые из протезов посиленные культы голеней, ноющие от боли.

— Это верно! — согласился Костёр.

— Ну как ты?! — с сочувствием поинтересовался Сидор, наблюдая, как Руст вдевает культы обратно в протезы.

— Штатно! — по-военному ответил Руст. — В Герате было хуже!

Совсем скоро милицейский УАЗ-469 подъехал к районному ОВД, и друзей проводили в камеру предварительного заключения, называвшуюся в простонародье обезьянником. Сюда со всего района свозили участников чрезвычайных происшествий, внутрисемейных разладов. В тот вечер здесь томились и прибывшие на матч восемнадцатого тура пятидесятого юбилейного чемпионата СССР с ленинградским «Зенитом» пылкие болельщики тбилисского «Динамо», успевшие рукоприкладно поспорить с местными любителями футбола. Некоторых из них выводили на допрос, а о друзьях-афганцах совершенно позабыли, словно их и не существовало вовсе.

Оно, может, и к лучшему, — переговаривались они между собой, — чего будить лихо. Не докучая дежурному вопросами, Сидор, Руст и Костёр разлеглись на деревянных скамейках и, повспоминав события армейской службы, а заодно и павших Стрелу, Монгола и Костяна, заснули.

Наступило утро. Дверь в камеру отворил заступивший на дежурство интеллигентного вида светловолосый капитан.

— Тихо! Тихо! Посторонись! Уроженцев чайного края допросим последними! — иронично уведомил он горланивших без умолку болельщиков «Динамо — Тбилиси» и, протиснувшись вглубь заполненной камеры к лежащим на скамейках друзьям, спросил:

— А вы, камрады, за какой выдающийся подвиг к нам удостоены?!

— Да не было подвига! — первым отреагировал Руст.

— Не было, говоришь? — усомнился капитан. — Ну, пойдём со мной, расскажешь всё обстоятельно. А дружки твои подождут пока в камере.

Руст прошёл за дежурным в комнату, где стоял мигающий лампами большой пульт и куча телефонов, трещавших без умолку.

— Присаживайся! — предложил дежурный-капитан и начал толковать:

— В книге учёта лиц, доставленных в РОВД, и журнале учёта материалов об административном правонарушении записано: «Вчера около 19.30 группа нарушителей общественного порядка била в дверь районного военного комиссариата, требуя впустить их внутрь. На требование дежурного РВК удалиться дебоширы не только не реагировали, а нецензурно выражались и грозили рукоприкладством». Что можешь пояснить по данному поводу? Только по существу!

— Не было этого, — возразил Руст, — мы вели себя пристойно. Объяснили правдиво, как есть, что приехали из Москвы навестить маму погибшего в Афганистане друга. Поскольку номер дома и квартиры, где он жил, у нас не сохранился, а только название проспекта, мы решили обратиться за помощью в райвоенкомат. А добраться до РВК обстоятельства позволили нам только вечером. Вчера, как известно, была пятница — конец трудовой недели и короткий рабочий день. Военкомат к нашему прибытию был уже закрыт. Нам не оставалось ничего другого, как обратиться к дежурному РВК, чтобы он помог с адресом. Он отказался войти в наше положение, да ещё цинично послал до понедельника. Дополнительно к этому вызвал два наряда милиции, задержавшие нас жёстко, с применением силы.

— Хорошо! — допустил капитан. — Покажи мне свой паспорт и назови полное имя матери погибшего друга.

— Вот мой паспорт! — Руст протянул его капитану. — А маму покойного друга зовут Стрельцова Людмила Васильевна, она живёт на Полюстровском проспекте.

Капитан пролистнул паспорт, убедился в московской временной студенческой прописке и вернул его.

— Сейчас я запрошу по базе, — сообщил он и, сняв телефонную трубку, проговорил: — База! Посмотрите мне: Стрельцова Людмила Васильевна, Полюстровский проспект.

Скоро ему ответили. Прижав подбородком к плечу трубку и спешно порвав чистый лист

бумаги пополам, повторяя за голосом на линии, капитан быстро написал адрес: дом 5, квартира 20 и номер домашнего телефона.

– Держи! Сейчас наберём ее по телефону, – намерился капитан.

– Не надо! – резко пресёк Руст. – Её лучше не бередить раньше времени. Мы подъедем и на месте всё решим.

– Как знаешь, – не возразил капитан.

Они вернулись к камере, капитан выпустил оттуда Сидора и Костра и, сопроводив всех троих к выходу, приготовился закурить. В этот момент в дверях им встретился привёзший друзей в РОВД водитель уазика.

– Гриша! Подбрось афганцев на Полюстровский, 5! – по-свойски призвал капитан.

Сидор, Руст и Костёр переглянулись.

– Нет, спасибо! – с улыбкой ответил Руст. – Мы – своим ходом.

Утро было пасмурным. Откуда-то слышалась песня «Звёзды нас ждут сегодня» популярной в конце 1980-х группы «Мираж». Воодушевлённые обретенной свободой, друзья остановили такси. Купив по пути торт и цветы, друзья приехали на Полюстровский, 5. Руст позвонил в дверь квартиры.

Послышались шаги, и через несколько секунд дверь отворила высокая седая женщина.

«Глаза как и у Стрелы – такие же голубые-голубые», – заметил про себя Руст. А вслух сказал:

– Здравствуйте, Людмила Васильевна! Мы Герины армейские друзья! Вы нас не помните?

– Боже мой, ну, конечно же, я вас помню! Проходите, ребята! – пригласила она войти.

Друзья заметили, что глаза Людмилы Васильевны наполнились слезами, и сконфузились.

Костёр вручил хозяйке цветы и торт. Друзья помыли с дороги руки и направились в зал. Проходя мимо маленькой комнаты, заметили висевший на стене большой портрет с улыбавшимся Стрелой. Друзья на мгновение замешкались у двери.

– Проходим дальше! – тихо скомандовал Руст.

Они зашли в зал и сели кто в кресла, кто на диван. На серванте стоял катушечный магнитофон «Маяк-203» с бобинами и запроплен-

ной лентой. У гостей возникло ощущение, будто Стрела, поклонник творчества советских рок-групп «Воскресенье», «Динамик», «Крузиз», «Карнавал», лишь ненадолго вышел из комнаты, выключив его. За стеклом в рамке стояла коллективная школьная фотография.

– Ребята, помогите мне раздвинуть стол, – попросила Людмила Васильевна, войдя в комнату с вазой для цветов.

Друзья встали, выдвинули и соединили две столешницы, помогли накрыть стол скатертью и расставить посуду.

– Скоро будут готовы вареники с картошкой и творогом. Гера их обожал, – поделилась светлым прошлым Людмила Васильевна. – Я как чувствовала, налепила их с запасом и положила в морозильник. Герины одноклассники меня всё время навещают и на кладбище к нему ездят. Бывает, поеду на кладбище, а на могилке цветы свежие – помнят, значит. Спасибо им!

Друзья, опустив глаза, молчали. У каждого на сердце лежал тяжёлый камень, ведь они вернулись живыми, а её сын Герман – их товарищ Стрела – погиб. Ребята вспоминали тот бой в Хост-ва-Ференге. Каждый думал о том, что обсуждать вслух было не принято. Но этот вопрос то и дело тревожил каждого: можно ли было предотвратить гибель Стрелы, а с ней – гибель Монгола и Костяна?

Людмила Васильевна отлучилась ненадолго на кухню. Совсем скоро подала горячие вареники и пригласила всех за стол.

– Вот и собрались, – произнесла она, утерев слезу.

– Мы хорошо помним, как вы приезжали к Герману на присягу в Сурхандарью, – начал Руст, – как угощали нас пловом и самсой, – добавил, чтобы не оборвался разговор: – Их вкус у нас до сих пор во рту.

Людмила Васильевна сквозь слезы улыбнулась.

– Герман наверняка писал вам о нас, и всё же я напомним по именам: я – Рустам Тукаев, справа от меня – Сергей Сидоренко, слева – Иван Костров. Нас было шестеро, трое – Герман, Константин и Дархан – погибли. У нас нет для вас слов утешения, – продолжил Руст

уже стоя, — их ещё не придумали для матери, потерявшей единственного сына. Но мы втроём постараемся хотя бы в чем-то заменить вам Германа.

Друзья встали и молча помянули его. Затем с разрешения Людмилы Васильевны Сидор снял висевшую на стене гитару и, настроив, запел песню барда-афганца Юрия Кирсанова:

*Не надо нам громких тостов,
Не надо бокалов звона.
Не в радость нам эта водка,
Что в кружках у нас сейчас.*

*Останутся в памяти нашей
Запыленные батальоны
И погибшие наши ребята,
Что всегда будут жить среди нас.*

*Первый тост — за ушедших в вечность,
Пусть же будет земля им пухом.
Мы запомним их всех живыми,
Тихим словом помянем их.*

*Тост второй — за удачу и смелость,
За ребят наших, сильных духом,
Чтоб остались душой молодыми
И друзей не бросали своих.*

*На суровой земле афганской,
Под чужим неласковым небом
Родилась наша крепкая дружба,
Что в бою выручала не раз!*

*За нее третий тост поднимем
И поделимся солью и хлебом.
Пусть же вечная будет та дружба,
Здесь навеки связавшая нас!*

Отведав любимых Гериных вареников и поговорив за столом, друзья предложили Людмиле Васильевне поехать на его могилу.

На улице было пасмурно, город ждал дождя. Друзья взяли такси и выдвинулись к Северному кладбищу. В дороге, на проспектах и улицах города, встречались болельщики «Зенита», загодя сбивавшиеся в кагалы перед походом на стадион имени Кирова.

Когда добрались до кладбища, к участку, где были похоронены погибшие в Афганистане воины-интернационалисты, взору друзей предстал длинный ряд свежих могил. С фотографии на одном памятнике глядел молодой лейтенант — лётчик в парадной форме. Под его именем была высечена эпитафия: «Ты моя радость, моё горе, моя любовь, моя печаль».

— Этого парня привезли недавно. И памятник на могилу поставили тем же месяцем, не выдержав времени, пока земля осядет, — поведала Людмила Васильевна, проходя за спинами Сидора, Костра и Руста, застывших перед бередившей душу надписью.

Свежие захоронения воинов-афганцев заслонили могилу Стрелы, оставшуюся в глубине участка. Дойдя до неё, друзья увидели выгравированные на светло-бордовом граните знакомое лицо и имя: «Стрельцов Герман Владимирович. Воин-интернационалист». На могиле лежали цветы — живые розы, гвоздики.

«Молодцы одноклассники!» — подумал Руст.

— Здравствуй, сынок! Вот и друзья к тебе приехали, — задумчиво произнесла Людмила Васильевна.

Она постояла недолго, глядя на фотографию сына, затем смочила кусок материи водой и начала стирать с памятника пыль. На безмолвно взиравших из-за её спины друзей это произвело тягостное впечатление. С фотографии улыбался благодушный по жизни Стрела.

— ...Великая Отечественная война застала меня полугодовалым ребёнком в Пскове, — стала рассказывать Людмила Васильевна при выходе с кладбища. — Кроме меня в семье были ещё старшие: сестра 1938-го и брат 1939 года рождения. Нас, троих маленьких детей и маму, немцы отправили в концентрационный лагерь близ Кёнигсберга, а освободили из застенков части Красной армии. После войны, окончив среднюю школу, я поступила в Псковский политехнический институт, где познакомилась с будущим мужем Владимиром Стрельцовым. Вскоре мы поженились, и у нас родился сын Герман. Жили мы счастливо, пока в 1971 году

Владимир не погиб в автомобильной катастрофе. Так я осталась вдовой с четырехлетним сыном на руках. Всю жизнь проработала на одном из крупных оборонных предприятий и не стремилась устроить личную жизнь, посвятив себя целиком Гере. Школу он окончил на хорошие оценки, однако в институт решил поступать уже после армии. В восемнадцать лет, в октябре 1984 года, очевидно, как и всех вас, первой группой призывников Геру направили в Туркестанский военный округ в Сурхандарью. Что произошло дальше, вам известно.

Вернувшись на Полюстровский проспект в квартиру Людмилы Васильевны, друзья сходили за продуктами, и Руст приготовил узбекский плов. За ужином вновь помянули Стрелу. А когда, встав из-за стола, гости покинули зал, заглянули в комнату с портретом друга. Войдя в неё, обратили внимание на следы обильного затопления с верхнего этажа. На потолке, в углах и стыках стен виднелись большие высохшие подтёки и отклеившиеся обои.

— Да это наш новый сосед, — на вопрос друзей без злости сказала Людмила Васильевна, убиравшая посуду, — затопил меня ещё в конце зимы. Он человек видный, директор двух магазинов «Берёзка» на Морской набережной, где пасутся все ленинградские фарцовщики. Он купил две смежные квартиры наверху и объединил их в одну. Соседи говорят, что подарок молодой любовнице — будущей оперной диве Мариинского театра. Когда делал глобальный ремонт, заодно решил поменять все трубы и отопительные батареи. А ремонтники его что-то недоглядели. За минувшие полгода я уже несколько раз ходила в ЖЭК и к нему лично обращалась, чтобы устранил последствия затопления — всё без толку.

— А мы с ним завтра непременно познакомимся, — заверил Руст, — и обязательно урегулируем этот вопрос.

Между тем на стадионе имени Кирова начался матч чемпионата СССР по футболу между ленинградским «Зенитом» и тбилисским «Динамо». Костёр, яростный болельщик

московского «Спартака» — давнего соперника «Зенита», с интересом засел у телевизора, желая поглядеть трансляцию.

На стадионе было облачно, +17С. В начале встречи хозяева поля теснили гостей и на восьмой минуте ведущий форвард «Зенита» Владимир Клементьев хлётким ударом в верхний угол забил в ворота динамовцев Тбилиси зрелищный гол. Счёт стал 1:0. Из окон и с балконов ближайших домов раздались крики и свист ликовавших болельщиков «Зенита». Спустя короткое время шум стих, игра продолжилась.

Тем временем в кухне Людмила Васильевна, отказавшаяся от сторонней помощи, крутила мясной фарш на котлеты.

А Руст и Сидор, безразличные к футболу, остались в комнате Стрелы и продолжили вечер воспоминаний.

Внезапно общение прервали доносившиеся с верхнего этажа крики.

— Ты слышал?! — спросил Сидор у Руста.

— Слышал! — подтвердил Руст.

Через мгновение голоса заглушил усилившийся звук телевизора, транслировавшего футбольный матч.

— Сидор! А ну-ка кликни Костра! Сходим разведем, что там происходит, — предложил Руст.

Ничего не сказав хозяйке, они спешно прошли к входной двери.

— Ребята, вы куда? — бросила им вслед Людмила Васильевна, услышав суету в прихожей.

— Мы ненадолго, — заверил Руст, прикрывая за собой дверь.

Друзья поднялись на этаж выше и, повернув ручку незапертой двери, вошли внутрь. В квартире стоял полумрак, пахло сигарным дымом. В коридоре свет исходил от тусклых бра. Отсюда виден был включенный торшер с жёлтой ажурной тканью, стоявший в ближнем углу зала. Что происходило в зале, из прихожей было не видно. Из-под двери в туалет виднелась полоска света. Руст жестом обратил на это внимание Костра и, велев ему остаться, прикрыть, сам двинулся вперёд. Сидор шёл следом.

Медленно ступая по фигурному ореховому паркету, вдоль стен, оклеенных дорогими финскими обоями, мимо комнат с антикварной мебелью в стиле буль эпохи короля Людовика XIV, они подошли к зале, где громко работал телевизор.

Коротко стриженный высокий и плечистый битюг в джинсах «Lee Cooper» и ветровке с включенным утюгом в руках нависал над сидевшим в кресле эндоморфным мужчиной лет тридцати пяти. Это и был хозяин, из одежды на нём красовались лишь цветастые семейные трусы и белая майка. Руки и ноги его были связаны, во рту — кляп.

Чуть поодаль, в глубине залы, в другом кресле сидела красивая молодая дама. Локоны её каштановых волос струились по кружеву короткой шелковой сорочки цвета маренго, оголившей бедра. Сбоку на диване, закинув ногу на ногу, не отвлекаясь на неземную красоту, сидел акарёнок⁷ и отрешенно следил за ходом футбольного матча.

«Ага, их трое!» — сообразил Руст.

Действительно, в этот момент открылась дверь туалета и показался третий сообщник. Костёр, не дав ему опомниться, точным прямым ударом в подбородок почти бесшумно втолкнул его обратно.

Шла шестнадцатая минута матча, и на стадионе зарядил проливной дождь. В ходе игры из-за нарушения правил футболистом «Зенита» судья Эдуард Дидур назначил штрафной по воротам хозяев поля. Пробить его тренер тбилисцев Кахи Асатиани доверил Отару Коргалидзе. Сильным ударом тот поднял мяч над стенкой и направил в дальний от вратаря верхний угол.

Раздосадованный пропущенным голом, акарёнок вскочил с дивана и выматерился, сподвигнув друзей к решительным действиям.

Сидор рванул в комнату и выдернул из электросети кабель телевизора, а Руст вытащил из грудного кармана джинсовой куртки красное удостоверение «инвалида войны» и плотно, чтобы не разглядеть надписи, приставил в развёрнутом виде к лицу остоленевшего бандита:

— ОБХСС! Отдел борьбы с хищением соци-

алистической собственности! До подхода опергруппы и сотрудников прокуратуры всем оставаться на своих местах! — истово проговорил он, войдя в роль.

Притеснители были обескуражены. «Вот мы попали! — подумал один. — Видно, директор «Берёзок» Иткин был в разработке в ОБХСС?! А нам паровозом за его грехи чалиться?»

«Не слишком ли молоды и ладно одеты эти опера?! Скорее, мошенники залётные», — смекнул их старший — битюг.

Выяснение личностей обэхаэсэсников, вломившихся в квартиру, потребовало бы дополнительное время, но не до того было сейчас. Не дав мучителям завершить умозаключения, Сидор схватил за горлышко матово-зелёную бутылку с объёмным тиснением буквы «N» и золотистой надписью «Camus Napoleon», стоявшую на мраморной столешнице рядом с вазой, заполненной фруктами, и коробкой сигар. Замахнувшись, он ударил о голову битюга, расколов бутылку на мелкие осколки. Тот рухнул на пол к ногам хозяина квартиры. Янтарного цвета элитное питьё разлилось по полу, разнося по комнате букет ароматов переспевшего инжира, спелого персика и цветочной ванили с тонами грецкого ореха, древесными нотками тика и палисандра.

Потрясённый увиденным, акарёнок робко попытался встать с дивана, но, заметив злой взгляд Сидора и предупреждающий жест — протянутую к нему ладонь, безропотно покорился.

Руст переступил через распластанного посреди колотого стекла битюга, державшегося за голову.

Наклонившись к хозяину, Руст вытащил кляп из его рта.

— Телефон где? — спросил требовательно.

— Там! — мужчина, жадно хватаящий ртом воздух, кивнул в сторону связанной подруги.

Руст подозвал Сидора и на ухо тихо проговорил:

— Запри дверь и держите с Костром оборону! Так, чтобы никто не выскользнул! Отворишь, когда приедет милиция!

Руст отыскал переносную телефонную трубку и, прозорливо не развязав хозяина

квартиры, нажал у него на глазах две кнопки — «02». Когда на обратной стороне ответили: «Милиция», Руст приложил трубку к щетинистой щеке хозяина квартиры и приказал: «Говорите!»

Тот, грассируя, зачастил словами, как печатная машинка:

— Приезжайте, пожалуйста, срочно! Моя фамилия Иткин, зовут Яков Ильич. На меня совершено нападение!

— Ваш адрес? — строго спросили на том конце провода.

— Полюстровский, дом 5, квартира 24, — продиктовал Иткин.

— Наряд уже выезжает, ждите! — уведомили на линии.

Услышав разговор с милицией, сидевший на диване акарёнок вскочил и метнулся к выходу, но был остановлен железным кулаком Костра и слёг в коридоре.

Милиция прибыла быстро. Сотрудники развязали сладкую парочку, а остальных фигурантов пассажа, в их числе Руста, Сидора и Костра, до выяснения обстоятельств заковали в наручники и повели к выходу.

Услышав в подъезде шум и увидев во дворе милицейские машины, Людмила Васильевна с тревогой в сердце вышла на лестничную площадку. В это время в сопровождении вооружённых сотрудников милиции в наручниках по ступенькам спускались шестеро молодых людей. За ними шли прихрамывавший Яков Иткин и его спутница.

— Людмила Васильевна, не беспокойтесь! Ложитесь спать, — попутно Руст пообещал ей: — Мы к утру непременно будем!

— Давай, давай! Не размусоливай! — рявкнул неказистый милиционер с тощим лицом, подталкивая задержанных до милицейского УАЗа.

В РОВД приехали быстро.

— О, старые знакомые! — даже как будто обрадовался новой встрече куривший у входа в РОВД благожелательный капитан, завидев Руста, Сидора и Костра. — Что, опять военкомат штурмовали?!

— В этот раз хоть не били, — заметил Сидор.

Их отпустили под утро после письменных объяснений Якова Иткина, его пассии Киры Вайсман и друзей — Сидора, Руста и Костра. Когда изможденные после ночной перипетии они вышли из РОВД, уже светало.

Иткин по телефону вызвал служебную «Волгу» и, отпустив водителя, сам сел за руль. Гражданка Вайсман села вперёд, а Сидор, Руст и Костёр — сзади. Скоро доехав на Полюстровский проспект, компания вошла в подъезд.

На лестничном марше у квартиры Людмилы Васильевны Иткин обратился к Русту:

— Предлагаю завтра в 13.00 прийти ко мне на обед.

Руст на мгновение задумался, но, вспомнив, что к Иткину есть вопрос по восстановительному ремонту, произнёс:

— Почему нет? — затем добавил, глядя на Костра и Сидора: — Полагаю, ребята тоже будут не против.

В ответ друзья промолчали.

Утром они поспали подольше и, погуляв недолго по району, в условленное время вместе с Людмилой Васильевной поднялись к Иткину. К этому времени следы ночного происшествия были уже устранены.

К столу были поданы привезённые из ресторана гостиницы «Астория» изысканные блюда и деликатесы — белужья и кетовая икра, стерлядь горячего копчения, сёмга и балык. На горячее — судак «Орли» под соусом тартар и отбивные бараньи котлетки на косточке. Из спиртного — водка «Smirnoff» и французский коньяк «Camus Napoleon».

— Что они хотели от вас? — едва сев за стол, поинтересовался Руст у Иткина, не прикасаясь к еде.

— Видите ли, — начал объяснять Иткин, — я директор двух магазинов «Берёзка» — это на Морской набережной, дома 9 и 15. Наши магазины торгуют аудио-, видео- и бытовой техникой, а также другими дефицитными товарами. Оплата производится только валютой или чеками «Внешпосылторга». Чеки — это такой вид денег. Им оплачивается труд граждан, работающих или служащих за границей.

— Мы знаем, что такое чек «Внешпосылторга», — сообщил Руст, — в Афганистане нам давали чеки, хоть и немного.

— Так вы афганцы?! — воскликнул Иткин. — Ну, ладно. Давайте сначала я отвечу на ваш вопрос. Недавними постановлениями ЦК КПСС и Совета министров СССР в связи с Перестройкой и гласностью объявлена борьба с привилегиями — «за равенство и социальную справедливость». Правительство СССР приняло решение с первого января 1988 года ликвидировать систему торговли «Внешпосылторг» и закрыть все магазины «Берёзка». Возник ажиотажный спрос на нашу продукцию. Речь идёт об импортной видео-, аудио- и бытовой технике, ну и одежде, конечно. У наших магазинов начали выстраиваться огромные очереди. Обладатели крупных чеков готовы платить сверху много больше, лишь бы успеть их скорее отоварить. С 1988 года торговля в магазинах «Берёзка» будет осуществляться только по безналичному расчёту. Так вот, магазины находятся в так называемом «Бермудском треугольнике». Здесь вращаются самые разные элементы — от фарцовщиков и валютных путан до бандитствующих элементов. Вчерашний инцидент — тому подтверждение. Преступники стремятся установить контроль над очередью. Они используют льготные удостоверения ветеранов и инвалидов Афганской войны. Ведь афганцы, как вы сами сказали, получали чеки, пусть даже солдаты — меньше, а офицеры — больше. Все они по закону в равной степени обладают правом отоваривать их во всех магазинах «Внешпосылторга» в любой точке СССР. Разница между удостоверением ветерана и инвалида войны в том, что инвалидов мы обязаны обслуживать вне очереди. Вы понимаете, как это упрощает задачу тем, кто замкнул на себя потоки держателей крупных сумм в чеках и валюте?

— Схема понятна! — внял Руст, не проявив интереса к данной теме. — Яков Ильич! У нас к вам бытовой вопрос. Вы затопили квартиру многоуважаемой Людмилы Васильевны. На протяжении полугода она безуспешно пытается добиться от вас восстановительного ремонта. У нас к вам компромиссное предложе-

ние: обеспечьте нас приличными обоями, клеим, кистями и другими подручными средствами. Мы сами в ближайшие дни сделаем ремонт в затопленной комнате и снимем эту проблему. А то, знаете ли, дела в Москве не ждут...

— Конечно, конечно! — взволнованно заверил Иткин. — Уже сегодня вечером у вас всё будет. Простите, мне очень неловко, что так получилось! Может, я всё же дам вам рабочих?

— Понимаете, Людмила Васильевна не чужой нам человек, — Руст ободряюще кивнул на неё. — Мы бы не хотели перекаладывать это дело на посторонних людей и с удовольствием выполним его сами. Так что только материалы! — с улыбкой заключил Руст, переглянувшись с Сидором и Костром.

Несколько смущенная Людмила Васильевна не вступала в мужской разговор. На этом тема восстановительного ремонта была закрыта.

В завершение обеда, за чаем и десертами, Яков Иткин положил руку на плечо Кире Вайсман и горделиво попросил:

— Душа моя! Спой нам, пожалуйста... моё любимое.

Дива с готовностью встала из-за стола и, взяв со специальной подставки акустическую гитару, начала играть перебором. Зазвучало меццо-сопрано — романс «Белой акации гроздь душистые»:

*Целую ночь соловей нам насвистывал,
Город молчал, и молчали дома.
Белой акации гроздь душистые
Ночь напролет нас сводили с ума.*

*Сад весь умыт был весенними ливнями,
В темных оврагах стояла вода.
Боже, какими мы были наивными!
Как же мы молоды были тогда!*

Все слушали, наслаждаясь божественным голосом и прекрасным исполнением. Когда романс был завершён, раздались аплодисменты.

— Восхитительно, ничего не скажешь, — от души оценил Сидор. — А можно мне сыграть одну из наших? — предложил он.

— Ну, конечно! — охотно согласился заинтригованный Иткин и передал ему гитару.

Руст и Костёр переглянулись. Сидор провёл пальцами по струнам и запел песню барда-афганца Игоря Морозова «Я братьев двух когда-то знал»:

*Я братьев двух когда-то знал.
С одним — в Афгане воевал,
Ходили к чёрту на рога
И к ведьмам в зубы.
Стрелять он был большой мастак,
С десяти шагов менял пятак,
Был по натуре весельчак,
Хоть с виду грубый.*

*А старший был обществовед,
На все вопросы знал ответ,
Имел отдельный кабинет,
Машину, дачу.
Жил то в Париже, то в Москве,
Имел семь пядей в голове,
Но дело даже не в уме —
Поймал удачу.*

*И вот когда, окончив срок,
Мы все покинули Восток,
Домой вернулись те, кто смог
Дойти до цели.
Явился к старшему меньшей —
Всё ж как-никак, а брат родной.
Тот накрывает стол большой —
Мол, ждал и верил...*

После этого куплета Людмила Васильевна утерла слезу, сосредоточив на себе сочувствующие взгляды Костра и Руста.

*... Там спирт окопный глотки жёг,
А здесь — французский коньячок,
Икорка, сёмга, балычок,
Язык телячий.*

*И почему-то вспомнил я,
Как провожали нас друзья —
Чеснок, четыре сухаря
И фляжка чачи.*

*Меньшой сидел и молча пил,
Тут старший тост провозгласил
И выпил из последних сил
«За тех, кто в море».*

*И, повертев на свет стакан,
Сказал, икая: «Слышь, братан,
Да брось ты свой Афганистан,
Он не в фаворе.*

*Пройдёт каких-то пара лет —
Его забудут — был и нет.
Твой автомат и пистолет —
Глупцам забава.*

*Иные нынче времена,
Другие мерки и цена.
Кому нужна твоя война,
Ну что ты, право?*

*Бери пример ну вот с меня.
На фронте не был я ни дня,
А посмотри — моя семья
В шелках и славе.*

*Имею в обществе престиж,
То в Лондон езжу, то в Париж,
То в Риме с месяц погостишь,
А то — в Оттаве».*

*Тут младшего тяжёлый взгляд
Его прервал: «Отставить, брат.
Я не политик, я солдат,
И мне до дверцы*

*Вся философия твоя
И золотая чешуя
Гнилых сентенций.*

*Да что ты знаешь о войне?
Вы здесь погрязли в барахле,
И лозунг — «я — тебе, ты — мне» —
Как песня вам.*

*А на инога подлеца
Вполне хватило бы свинца —
Неполных девять грамм.*

*Иной до титулов дорос,
А как дорос — ещё вопрос.
Здесь главное — по ветру нос
Держать умело.*

*А я хотел бы посмотреть,
Какие песни станет петь
Он под обстрелом.*

*Чтоб ты в Европу ездить мог,
Дань кровью брал с меня Восток.
Я больше износил сапог,
Чем ты — штиблетов.*

*Ты здесь в арабскую кровать
С женой ложился поживать,
А там привык на камне спать
Я с пистолетом».*

*Мой друг не мастер говорить.
Умел он в спорах трезвым быть,
Но вижу — начал заводит
Его браточек.
И друга я увёл к себе
Во избежание ЧП.
Мы с ним бродили по Москве
До самой ночи.*

*Какая б ни была беда,
Мы слёз не лили никогда.
Обиды горькая вода
Бойцу опасна.*

*Друг, стиснув зубы, соль глотал.
Что думал он, о чём гадал?
Я думал так же и молчал —
Всё было ясно.*

*Потом судьба нас развела —
Его на Север позвала,
Меня замучили дела,
Работа, дети.*

*А брат его, обществовед,
В Париж уехал на пять лет,
Он там большой авторитет,
В посольстве — третий.*

Сидор закончил петь, повисла мрачная тишина. К тому же дело шло к вечеру — пора было прощаться.

— Ну, нам пора идти! — наконец произнёс Руст, чтобы заодно разрядить обстановку.

Друзья и Людмила Васильевна, поблагодарив хозяина за застолье, встали, собираясь уходить.

— Я провожу, — с готовностью вызвался Иткин.

Когда гости подошли к порогу, Руст пропустил всех вперёд и, прикрыв за ними дверь, обратился к Иткину:

— Яков Ильич! Людмила Васильевна — мама нашего погибшего в Афганистане друга. Она нам как мать. Хотелось бы, чтобы вы приняли это к сведению.

— Я уже всё понял! — заверил Иткин.

Перед тем как уйти, Руст крепко сжал его руку и, поглядев пронзительно в глаза, дал понять, что скрепил этим достигнутое договорённость.

Уже вечером в дверь квартиры Людмилы Васильевны позвонили уполномоченные Иткиным люди и сообщили, что привезли необходимые для ремонта материалы. Обои оказались той же фирмы, что и у Якова Иткина — финской «Sandudd», и не на одну комнату, а на всю квартиру. К ним прилагались клей и инструменты.

Через три дня квартира Людмилы Васильевны была поклеена новыми обоями, а друзья — Руст, Сидор и Костёр — с чувством выполненного долга отбыли в Москву.

*Спустя шесть лет. 21 сентября 1993 года.
Москва, Кутузовский проспект, дом 1.*

Было малооблачно, моросил мелкий дождь, +12 градусов Цельсия. К половине седьмого уже стемнело.

Дома у Руста, в кухне просторной трёхкомнатной квартиры на Кутузовском, собрались его боевые товарищи Костёр и Сидор. Повод встречи был радостный — у Руста 20 сентября родился второй сын Самир.

К этому времени Костёр окончил Высшую

школу КГБ и был отобран в подразделение специального назначения — знаменитую «Альфу». Сидор успешно завершил обучение на историческом факультете МГУ, но по специальности работать не стал, поскольку ещё во время учёбы, с конца 1980-х — начала девяностых годов, с головой окунулся в бурно развивавшееся кооперативное движение. Занимался решением разноплановых задач: от стратегии перспективного развития до улаживания споров хозяйствующих субъектов. В личной жизни у Сидора также произошли подвижки. Он отыскал на Украине молоденькую медсестру из кабульского госпиталя Ни-ну Полюшкевич, которая после двух лет в Афганистане поступила в Киевский медицинский институт. На праздники и выходные он регулярно ездил к ней в гости.

Руст, вопреки полученному в Афганистане ранению, приведшему к ампутации обеих голени, с отличием окончил экономический факультет Московского института нефти и газа. В конце 1980-х годов он принял активное участие в учреждении всесоюзных и общероссийских организаций ветеранов Афганской войны (1979–1989), разработке нормативной базы и программ по социально-бытовой, медицинской реабилитации инвалидов-афганцев и материальной поддержке семей погибших. В 1991 году создал и возглавил крупную региональную организацию — Московский городской союз ветеранов Афганистана, став одновременно первым заместителем председателя Российского союза ветеранов Афганистана (РСВА).

Учреждённые городским союзом афганцев предприятия, используя налоговые преференции, зарабатывали денежные средства и направляли их на уставные задачи организации. В частности, всем инвалидам-ампутантам Москвы и Московской области, включая и себя, Руст заказал протезы германской фирмы «Ottobock». Полученное высшее экономическое образование, наличие у РСВА квот на экспорт цветных металлов, нефтепродуктов и льготы на экспортную пошлину — все это позволило Русту заключить крупные внешнеэкономические контракты. Как только у него по-

явились финансовые возможности, он решил реализовать свою давнюю, со времён кабульского госпиталя, мечту. Руст купил новую цвета морской волны ВАЗ-21065 и, подогнав к КПП-1 Центрального военного клинического госпиталя имени Бурденко, вручил ключи от нее многократно оперировавшему его в Кабуле хирургу, подполковнику Александру Теплому.

Получив из роддома весть о рождении сына, Руст немедля поделился ею с друзьями Костром и Сидором. Не дожидаясь выписки жены с наследником, пригласил их к себе на плов.

В условленный час гости с подарками и гостинцами поднялись к квартире на верхнем этаже. Это был их первый визит к Русту после его переезда в центр. Уведомив хозяина звонком, они тронули дверь — та оказалась не заперта. Друзья вошли внутрь и крикнули Руста.

В ответ из дальней комнаты раздалось:

— Парни, проходите! Три минуты — и я к вам присоединюсь!

В квартире витал аппетитный мясной запах. Сидор и Костёр оставили пакеты с продуктами на кухне и прошли вглубь квартиры.

До их ушей донеслось глубокое мерное дыхание человека, занимающегося физическими упражнениями. Заглянув в комнату, они увидели, как на распорном между полом и потолком турнике Руст в тёмных трусах-боксерах выполнял, чередуя, выходы силой и подъёмы переворотом. Каждый мускул на его сбитом теле был чётко выражен, точёная фигура и короткая стрижка отвечали армейскому габитусу⁸.

— Я гляжу, наш друг абулией и астенией не страдает, — пошутил Сидор.

Завершив упражнения, Руст проворно спустился с турника и, сделав несколько шажков на коленях, ловко запрыгнул на низкий стул. Он не смутился друзей — при них надел на культы голени протезы.

— Парни! Вы пока садитесь за стол, а я быстро ополоснусь, — скомандовал хозяин.

Костёр и Сидор перешли в зал и сели за сервированный по праздничному случаю стол. Его украшали хрустальная ваза с фруктами, горка пышных тандырных лепёшек, посыпанных кунжутом, менажница с изюмом и

орехами, чайники с пиалами, пахта. Руст появился спустя семь минут, одетый в новую белую рубашку и строгие чёрные брюки. Завязав за спиной фартук, он начал хлопотать на кухне: наполнил три расписные косушки клочкотавшей в кастрюле шурпой, положил в каждую по паре мясистых бараньих рёбрышек и, посыпав укропом, подал к столу. Руст знал толк в восточной кухне и, когда посещало вдохновение, охотно кашеварил. Вскоре дошёл и плов. Рустам снял накрывавшую чугунный казан большую тарелку и выпустил пар. Сноровисто наполнил риштанский ляган⁹ рассыпчатым янтарным рисом-девзира¹⁰ и жёлтой морковью-мшак¹¹, напитавшихся ароматом душистой зиры. В центр, отделив от косточек и мелко нарезав, Руст сложил горкой кусочки сочной мякоти карачаевского ягнёнка, а край увенчал нарезанной спелой хурмой и багровыми зёрнами граната.

— Да, ханская снедь! — с удовольствием отметил Костёр. — Я часто вспоминаю наше афганское бесхлебье и того огромного барана в Панджшерском ущелье, что свежевали переводчик Абдулло Кодиров и наш покойный Костян. Как нам, до жути голодным из-за духовского налёта, не удалось его съесть...

Друзья улыбнулись и предались воспоминаниям.

— Ну вот, с нашего друга Костяна мы и начнём! — предложил Руст и, накиннув на плечи висевший на спинке стула чёрный пиджак с орденской планкой из муаровых лент двух орденов Красной Звезды и медали «За отвагу», добавил: — Пусть это будет уже третий тост!

Руст уменьшил звук телевизора, все трое торжественно встали. Сидор наполнил рюмку из принесённой им бутылки водки и, накрыв ломтиком лепёшки, поставил на край стола. Руст и Костёр, по разным причинам спиртное не потреблявшие, налили безалкогольное питьё по усмотрению. Руст выдержал короткую паузу и проникновенно произнёс:

— Вечная память павшим в боях! В их числе нашим друзьям — Стреле, Костяну, Монголу.

За столом повисла тягостная тишина. Её нарушил Сидор:

— Наша вечная память, кто завидует ей?! Наша вечная слава не весёлый резон! Да, много наших братьев скосил молох войны! — дальше он стал проникновенно декламировать Александра Твардовского:

*Летом горького года я убит! — Для меня
Ни известий, ни сводок после этого дня...
И во всём этом мире, до конца его дней —
Ни петлички, ни лычки с гимнастёрки моей...
Наши очи померкли, пламень сердца погас. —
На земле, на поверке выкликают не нас.
Нам свои боевые не носить ордена,
Вам всё это, живые, нам отрада одна...
Мы за Родину пали, но она спасена!*

После этих строк Руст принёс из дальней комнаты гитару и, передав её Сидору, попросил:

— Спой песню Юрия Кирсанова «Над горами кружат вертолёты».

Сидор провёл большим пальцем по струнам и, настроив инструмент, начал петь:

*Над горами, цепляя вершины, кружат вертолёты,
Где-то эхом вдали прогремели последние взрывы,
Только изредка ночью взорвут тишину пулемёты,
Проверяя, а все ли мы живы.
Афганистан, Афганистан,
Афганистан, Афганистан.*

*По афганским дорогам
пришлось нам проехать немало,
Мы тряслись в БТРах,
нам небо служило палаткой,
И надолго под звездами
твёрдым законом нам стало:
Не искать на земле жизни сладкой.
Афганистан, Афганистан,
Афганистан, Афганистан.*

*Здесь про страх и опасность
мы будто с тобою забыли,
И в минуту отчаянья мы научились смеяться,
И с друзьями, которых на целую жизнь полюбили,
Мы привыкли надолго прощаться.
Афганистан, Афганистан,
Афганистан, Афганистан.*

*Время медленно шло,
только быстро усы отрастали,
Снились ночью нам дети,
любимые жены нам снились,
Но когда, расставаясь,
с друзьями прощаться мы стали,
Почему-то опять загрустили.
Афганистан, Афганистан,
Афганистан, Афганистан.*

В тот момент, когда Сидор закончил петь, часы пробили восемь вечера, и на экране телевизора, вещавшего со второго общероссийского канала ВГТРК, возникла ярко-синяя заставка с объявлением: «Обращение Президента РФ Б. Н. Ельцина к гражданам России». Через несколько секунд появился глава государства и поздоровался с гражданами.

— Это надо непременно послушать, — констатировал Руст и, не встретив возражений, сделал звук громче.

— Уважаемые россияне! — начал Ельцин. — Мной подписан указ «О поэтапной конституционной реформе». В Российской Федерации сложилась политическая ситуация, угрожающая государственной и общественной безопасности страны... — Друзья озадаченно переглянулись. — Съезд народных депутатов и Верховный Совет предпринимают систематические и всё более активные усилия узурпировать не только исполнительную, но и судебную функцию... Уже более года предпринимаются попытки найти компромисс с депутатским корпусом, с Верховным Советом. Россияне хорошо знают, сколько шагов навстречу делалось с моей стороны на последних съездах и между ними... Последние дни окончательно разрушили надежды на восстановление какого-либо конструктивного сотрудничества... Власть в российском Верховном Совете захвачена группой лиц, которые превратили его в штаб непримиримой оппозиции...

Сидор слушал выступление президента в негодовании. Он то и дело переводил взгляд с экрана на увлечённо слушавшего Руста или не выдававшего эмоций Костра.

Ельцин тем временем продолжал читать текст выступления:

— Верховный Совет как государственный институт находится сейчас в состоянии политического разложения, он перестал считаться с указами президента, с его поправками к законопроектам, даже с конституционным правом вето... Единственным способом преодоления паралича государственной власти в Российской Федерации является её коренное обновление на основе принципов народовластия и конституционности. Действующая конституция не позволяет этого сделать, поскольку в ней не предусмотрен выход из сложившейся ситуации. Стремясь к ликвидации политического препятствия, не дающего народу самому решать свою судьбу; учитывая неудовлетворяющее парламентским стандартам качество работы Верховного Совета и Съезда народных депутатов РФ; принимая во внимание, что безопасность России и её народов — более высокая ценность, нежели формальное следование противоречивым нормам, созданным законодательной ветвью власти...

В целях:

- сохранения единства и целостности Российской Федерации;
- вывода страны из экономического и политического кризиса...

После этих слов Сидор пересел в кресло, стоявшее поближе к телевизору, и стал особенно внимательно вслушиваться в речь.

Глава государства сделал короткую паузу и продолжил:

— Постановляю:

прервать осуществление законодательной, распорядительной и контрольной функций Съездом народных депутатов Российской Федерации и Верховным Советом Российской Федерации... Настоящий указ вступает в силу с момента подписания — Президент РФ Б.Н.Ельцин.

— Во как вывел! — воскликнул Сидор и резво вскочил с кресла. — «... Принимая во внимание, что безопасность России и её народов

— более высокая ценность, нежели формальное следование противоречивым нормам, созданным законодательной ветвью власти... Стремясь к ликвидации политического препятствия, не дающего народу самому решать свою судьбу». А как же конституция?! Могу компетентно заявить, этим указом её гарант нарушил два пункта — шестой и одиннадцатый — 121-й статьи Конституции Российской Федерации, а пунктом восемь той же статьи поставил себя вне закона. Знал бы народ тогда, в конце августа девяносто первого, какую ошибку совершает, выходя на баррикады в поддержку Ельцина, против ГКЧП!

— Сидор! Ты ж вроде не коммунист, — с ехидцей напомнил Костёр. — Я понимаю, если б возмущался Руст, получивший свой партбилет в девятнадцать лет в Афганистане. Там, как известно, кого попало в КПСС не принимали. Он, в отличие от политиков-ренегатов с раздорных сторон, в 1991 году свой партбилет не сжёг и не выбросил! Ну а ты-то, Сидор!.. Когда успел идеологией марксизма-ленинизма преисполниться? Мы тебя знаем другим!

Сидор предпочел не услышать реплику Костра, он продолжил:

— Лукавый краснойбай шестилетним правлением вырыл могилу могучему государству, а крамольный прозелит забил в его домовину последний гвоздь. Беловежское соглашение декабря 1991 года — это беспрецедентный гешефт республиканских секретарей компартии, устремлённых урвать свой ломоть от разорванной империи с благословения победно возликовавших американцев. Прискорбно, что никакое аутодафе не вернёт нам утраченной великой страны. Мне вот интересно, — пылко возмущался Сидор, — отчего это вдруг в ближайшем прошлом первый секретарь Свердловского обкома партии, секретарь ЦК КПСС и первый секретарь Московского горкома КПСС внезапно и остервенело возненавидел всё коммунистическое?! Чем же это родная партия, наделившая властью, обеспечившая всеми благами, и верные соратники, с кем бок о бок он до шестидесяти лет боролся за высшие идеалы и строил светлое будущее, его обделили?!

Руст не пожелал дебатировать и искать оправдания, а Костёр, человек системы, вотума своего не задекларировал. Однако все трое понимали: страна скатилась к глобальному потрясению.

Руст выключил телевизор, и друзья под впечатлением вернулись к столу.

Сидор вдруг вспомнил о своём обещании позвонить студенческому товарищу по МГУ Игорю Малярову — основателю и первому секретарю Российского коммунистического союза молодёжи, а к тому же младшему научному сотруднику кафедры политэкономии МГУ.

Сидор извинился перед друзьями и, взяв переносную трубку, устранился на кухню. Он и вправду был далёк от коммунистической идеологии, но не ломавший армейской службы Игорь Маляров относился к нему, ветерану-афганцу, кавалеру ордена Красной Звезды и двух медалей «За отвагу», с особым пиететом. Еще в университете Игорь стремился привлечь его к деятельности в РКСМ и оповещал обо всех политических событиях.

Когда Игорь ответил, Сидор, едва поздоровавшись, засыпал собеседника вопросами:

— ...Как ваш Первый съезд РКСМ, назначенный на 27-28 сентября? В связи с телеобращением Ельцина уже перенесён на неопределённое время?! Так ты речь его слушал?! И каков будет ваш ответ Чемберлену?!

Разговор с Игорем не занял много времени. Полученной от него информацией Сидор тотчас поделился с Рустом и Костром:

— Наши, университетские — с филфака, истфака, других факультетов, из актива РКСМ — стягиваются к Дому Советов на митинг в поддержку Верховного Совета и Совета народных депутатов. Указ № 1400 признан антиконституционным! Верховный Совет уже принял постановление о немедленном прекращении полномочий президента и созыве на завтра Седьмой экстренной сессии Верховного Совета с повесткой дня «О государственном перевороте». Этим же постановлением Верховный Совет созвал в ближайшие часы Десятый чрезвычайный внеочередной съезд народных депутатов с повесткой дня «О поли-

тическом положении в связи с совершённым государственным переворотом», который состоится в самые ближайшие дни!

На последних словах возбужденный Сидор вскочил с места и, упёршись ладонями в спинку стула, начал выдавать свои соображения:

– Уверен, что Верховный Совет, получив копию указа № 1400 ещё до телеобращения Ельцина, тотчас запросил экспертное заключение Конституционного суда о его законности. А Конституционный суд, в свою очередь, незамедлительно созовёт экстренное заседание и подготовит экспертное заключение, которым признает данный указ не отвечающим ряду статей действующей Конституции России и служащим основанием для отрешения президента от власти. Апропо¹², другой указ Бориса Николаевича от 1 сентября сего года «О временном отстранении от исполнения обязанностей вице-президента Руцкого А.В.», приостановленный Верховным Советом и направленный в Конституционный суд для экспертного заключения, также в ближайшие дни будет признан антиконституционным. А созванный чрезвычайный Десятый съезд народных депутатов незамедлительно в числе первых своих решений выдвинет на должность президента генерала Руцкого и разом утвердит!

– Тоже мне авгур¹³! – оценил прогностический пафос Сидора Костёр.

– А на данный момент, – продолжил Сидор, – уже объявлено о принятии Верховным Советом постановления с обращением «К народам России, Содружеству Независимых Государств, мировому сообществу, военнослужащим Российской армии, сотрудникам силовых министерств, ко всем гражданам России с призывом пресечь государственный переворот, организованный Б. Н. Ельциным и его окружением», а также – о создании штаба обороны Дома Советов. На стихийный митинг у стен Дома Советов собралось уже более тысячи человек, и началось возведение заграждений. Милиция стягивается вокруг манифестантов в плотное кольцо. Думаю, мы можем сами в этом убедиться, – Сидор кивнул на балкон.

Друзья встали из-за стола и вышли на балкон. Дождь к тому времени уже прекратился, но к ночи резко похолодало.

Сказанное Сидором подтвердилось. С балкона хорошо было видно, как к Дому Советов с разных сторон стекались ручейки людей с плакатами и флагами, прибывали и подразделения МВД.

В этот момент из квартиры послышался телефонный звонок. Руст зашёл внутрь и снял трубку.

Звонил председатель Российского союза ветеранов Афганистана Александр Котенёв:

– Рустам, здравствуй!

– Здравствуйте, Сан Саныч! – поприветствовал Руст.

– Ты следишь за новостями? – спросил Котенёв.

– Так точно, слежу! – уставно ответил Руст.

– В это непростое время мы обязаны поддерживать президента! – твёрдо толковал Котенёв. – Я написал текст заявления РСВА с решительной политической поддержкой Бориса Николаевича и резким осуждением деструктивных действий Руцкого и Хасбулатова. Я уже отправил его по циркуляру в администрацию президента, правительство, Минобороны, Верховный Совет и Совет народных депутатов!

– Понимаю, Сан Саныч! – сдержанно ответил Руст.

– Градус накаляется, наверняка потребуются наше участие. Ты оставайся в Москве и будь на связи! – командно призвал Котенёв.

– Буду в Москве, планов к отъезду нет! – взял к исполнению Руст и под конец разговора деликатно спросил: – Сан Саныч! У меня вопрос.

– Спрашивай.

– Вы уверены, что в возникшем конституционном кризисе афганцам следует принять чью-либо сторону и оказаться на острие? Насколько мне известно, на стороне Верховного Совета и Совета народных депутатов тоже много афганцев.

– Я в курсе, – подтвердил Котенёв, – но сегодня каждый должен сделать свой выбор, с кем он! Борис Николаевич много сделал для

афганцев, подписал указ о всесторонней помощи ветеранам. Предательство постыдно и недопустимо!

— Я вас понял, — без энтузиазма сказал Руст.

— Молодец, что понял! До связи! — Котенёв повесил трубку.

Руст снова вышел на балкон, но о разговоре с председателем РСВА друзьям не рассказал. Постояв, глядя на сутолоку у стен Белого дома и иззябнув, он предложил друзьям вернуться за стол.

Все вернулись в комнату.

— Да, зреет нешуточный переполох, — предрёк озадаченный Костёр, усаживаясь на своё место, — нас уже перевели на усиленный режим.

— Руст, РСВА, конечно же, встанет на сторону Ельцина? — с досадой домекнул Сидор. — Ведь ваш председатель Котенёв близок к верховной власти, хотя ею, по Конституции России, является Съезд народных депутатов!

— И хорошо, что близок! — взъярился Руст за столом. — Организации нужна поддержка власти! Без её помощи невозможно оказание насущной помощи тысячам искалеченных войной и потерявших на ней своих близких.

— Но ведь это называется скрытым подкупом, — расценил Сидор.

— Как бы ты это ни называл, — эмоционально парировал Руст, — инвалидам, нуждающимся в протезах и примитивном автотранспорте для передвижения, вдовам, оставшимся без мужского плеча, тем, кому нужно поднять малолетних детей и выучить, неинтересны наши политические убеждения! Они пожертвовали самым дорогим — здоровьем и жизнью своих близких! Им нужна реальная помощь! — горячо убеждал Руст, затем чуть смягчился: — Хотя, на мой взгляд, ветеранским организациям следовало бы держаться от политики подальше и существовать по принципу ахимса¹⁴.

— Могли ли мы, воины-интернационалисты, — повысил эмоциональный накал Сидор, — воюя плечом к плечу в Панджшере, Кунаре, Герате, Файзабаде, предположить, что спустя уже пять лет будем иметь несходные полити-

ческие убеждения, которые разведут нас по разные стороны баррикад?! На что рассчитывал президент, назначив вторым лицом государства героя-афганца — генерала авиаштурмовика?! Хотел держать возле себя грума или бибабо?! Бередит его и камарильи сознание другой наш ретивый афганец — народный депутат, оспаривающий в Конституционном суде правомерность ратификации Верховным Советом Беловежского соглашения 1991 года, разрушившего СССР. И, следует заметить, его притязания имеют высокие шансы.

— Послушай, Сидор! — вскипел Руст. — Я боевых заслуг наших звёздных афганцев не умаляю! Но там была одна жизнь, здесь — другая! И мне не терпится узнать, какое озарение вдруг посетило наших мегаломанов¹⁵ и доморощенных апологетов заморской демократии из числа вчерашней партийной коммунистической номенклатуры, засевавших в Верховном совете и Совете народных депутатов? Среди них, замечу, есть и афганцы. Не они ли два года тому назад, в августе 1991-го, вынесли верховного главнокомандующего, президента Советского Союза Горбачёва?! Неужели не понимали тогда, что гробят великую державу?! Какую цель они преследовали?! На что рассчитывали?! А я тебе отвечу: о сладких местах они думали! Я лично так мыслю: если избранный народом национальный лидер взял тебя в свою команду и назначил вторым лицом государства — так будь ты приличным человеком, умерь свое альтер-эго и выполняй его указания! А не согласен с его политикой — так уходи! А изрекать на всю вселенную: я честный, а мой начальник — негодяй, и оттого я собрал на него чемодан компромата, — знаешь, по мне, это... не комильфо! Каким бы героем тот человек не́ был!

— Надо прекратить этот разлад! — зычно вмешался Костёр — Ваши эмоции уже зашкаливают! У каждого свои убеждения. Мы ими не торгуем! Мы — вместе. Наше прошлое — Афган. Наш пароль — «Афган». И вообще, предлагаю вспомнить, для чего мы здесь собрались. Мы пришли, чтобы поздравить нашего друга с рождением второго наследника! И лучшее, что мы можем сделать, пожелать отцу

вырастить стержневую личность, достойного сына и защитника нашего Отечества! — с патетикой резюмировал Костёр.

Друзья посидели ещё немного и с холодком разошлись по домам.

21 сентября, 1993

Кризис власти погружал Москву в состояние тревожного ожидания. Пророчества Сидора оказались верными. Состоявшееся поздним вечером 21 сентября 1993 года экстренное заседание Конституционного суда признало указ № 1400 и телеобращение президента по государственным каналам не соответствующими ряду статей действующей Конституции России и являющимися основанием для импичмента. Это было оглашено председателем Конституционного суда на открывшейся в полночь с 21 на 22 сентября седьмой экстренной сессии Верховного Совета РФ. Её решением были прекращены полномочия президента Ельцина и переданы вице-президенту Руцкому, отменившему указ № 1400 как антиконституционный. Вместе с тем Верховный Совет отдельными своими постановлениями освободил от должности трёх министров — безопасности, обороны и внутренних дел, назначив вместо них новых. Выбранное Верховным Советом руководство Министерства обороны разослало в воинские части, соединения и военные вузы телеграммы с требованием срочно прибыть к Дому Советов. Вместе с тем от Минобороны и Генштаба РФ исходил приказ подчиняться действующим руководителям.

22 сентября, 1993

Утро было облачным.

Сидора разбудил телефонный звонок Игоря Малярова. Тот сообщил время и место сбора у Дома Советов. Сидор ещё вечером твёрдо решил, что не останется в стороне от судьбоносных событий, и подтвердил Малярову свое присутствие.

Он сожалел о размолвке с Рустом и, желая примириться, попытался до него дозвониться. Тот не брал трубку. Тогда Сидор набрал номер Костра. Его телефон также не отвечал, пришлось оставить голосовое сообщение на автоответчике. В нём Сидор просил Костра передать Русту, что сожалеет об эмоциональном накале вчерашней встречи, и рассказал о решении встать на защиту Дома Советов.

Приехав к месту сбора, Сидор увидел, что число митинговавших по сравнению со вчерашним вечером резко возросло. Манифестанты выкрикивали политические лозунги, размахивали красными и чёрно-жёлто-белыми флагами. У Дома Советов активисты РКСМ разбили палатку, в которой был образован штаб обороны. По приказу его руководства началась запись в добровольческий полк. В числе первых в его состав был зачислен и Сидор.

23-25 сентября, 1993

В тот день, 23 сентября, стояла ненастная погода и сыпала морось.

В десять вечера в Доме Советов, вопреки подписанному указу № 1400, открылся Десятый внеочередной чрезвычайный Съезд народных депутатов, который утвердил новые кадровые назначения глав силовых ведомств. Безостановочный митинг у стен Дома Советов сопровождался прямой трансляцией заседания съезда, а число граждан, пришедших выразить солидарность Верховному Совету и народным депутатам, увеличивалось.

В это время в разных частях Москвы между манифестантами и подразделениями МВД периодически вспыхивали вооружённые столкновения. Штаб обороны Дома Советов, ожидавший скорое начало штурма, распорядился раздать добровольческому полку около ста единиц автоматов Калашникова «АКСУ-74» из арсенала бывшего департамента охраны. На прилегавшей к Дому Советов территории, по периметру и во внутренней части здания на этажах, лестничных маршах и переходах установили посты и организовали круглосуточную

караульную службу. Все подступы к зданию заблокировали бетонными плитами и баррикадами. Сидора, как ветерана, прошедшего через горячую точку, назначили командиром отряда численностью в сто человек.

В Доме Советов отключили подачу воды, тепла и электроэнергии. Это усугубилось тем, что в ночь на 25 сентября резко похолодало, температура опустилась до нуля градусов, а утром пошел дождь со снегом. К тому времени Дом Советов уже оцепили кордонами подразделений МВД. Несмотря на обострение обстановки, противоборствующие стороны — администрация президента и правительство — с одной и Верховный Совет с Советом народных депутатов — с другой, — при посредничестве Патриарха всея Руси и председателя Конституционного суда искали возможные пути выхода из кризиса. Однако достичь компромисса всё же не удавалось.

26-29 сентября, 1993

Сохранялась холодная температура. Мощный дизельный генератор, дающий электроэнергию для Дома Советов, прекратил работу из-за отсутствия соляры. По этой же причине остановилась подача воды. И — как завершающий аккорд — температура в ночь на 27 сентября опустилась ниже минусовой отметки.

28 сентября зарядили холодные дожди, временами со снегом. Обстановка в городе ещё больше обострилась. Между манифестантами и подразделениями МВД в Центральном административном округе: на участке между Садовым и Бульварным кольцами, на станциях метро «Краснопресненская», «Баррикадная», «Площадь Восстания», «Новый Арбат», на улицах — Дружинниковская, Садово-Кудринская и других — шли столкновения.

29 сентября погода ухудшилась, дул порывистый северный ветер, падал мокрый снег. Правительство предъявило ультиматум находившимся в Доме Советов сторонникам Верховного Совета и народных депутатов: до четвертого октября сдать оружие, боеприпасы и

покинуть здание. Личная безопасность им гарантировалась.

1-2 октября, 1993

В первый день октября вновь похолодало, но ни дождя, ни снега не было. Видимо, отчасти это стало причиной, что вечером к оцеплению у Дома Советов стянулось более десяти единиц бронетехники МВД. Новыми точками противостояния сторонников Верховного Совета и подразделениями МВД стали Смоленская и Октябрьская площади. Многолюдный митинг у памятника Ленину в центре Калужской площади превратился в массовое шествие, которое, словно лавина, понеслось по Садовому кольцу через Крымский мост и Зубовскую площадь на Новый Арбат. Оно сметало на своём пути заграждения, технику и подразделения МВД. Вскоре митингующие подошли к оцеплению у Дома Советов. Идущие позади стали напирать на тех, кто оказался в первых рядах. Оцепление оказалось не в состоянии остановить напиравшую человеческую массу, оттеснившую подразделения МВД в глубь Конюшковской улицы между Домом Советов и зданием мэрии до гостиницы «Мир». Через несколько минут послышались треск автоматных очередей и разрывы гранат со слезоточивым газом. Возникла паника.

В штабе обороны предположили, что стрельба велась из расположенной напротив Дома Советов мэрии. Из окон, находящихся на верхних этажах здания, вся прилегающая территория легко простреливалась. Руководство штаба обороны приняло решение захватить этот стратегический объект. Выполнение задачи возложили на группу под командованием Сидора. Во избежание гибели вверенных ему людей и военнослужащих МВД Сидор провёл рекогносцировку и отобрал группу наиболее опытных, прошедших горячие точки молодых людей. Он поделил её на три подгруппы и поставил всем персональную задачу.

Согласно его плану, первая и вторая мо-

бильные группы (каждая по десять человек) с исходных позиций должны совершить внезапный налёт на стоявшие перед зданием мэрии три бронетранспортёра «БТР-80» и два «ЗИЛа-131»¹⁶. Безостановочной стрельбой над головами сидевших поверх брони и внутри кузовов военнослужащих МВД мобильные группы Сидора втиснули их в центральный вход мэрии, дав им возможность рассеяться внутри здания.

Сидор с третьей группой вошёл следом и, поднявшись практически на самый верх здания, блокировал подходы к окнам высотных этажей, дабы они не использовались для огневых точек при поражении защитников Дома Советов. После установления контроля над мэрией Сидор оставил здесь необходимое количество своих людей, а сам с оставшимися вернулся в Дом Советов. Так он выполнил приказ, избежав кровопролития.

Тем временем из напиравшего на милицейское оцепление потока манифестантов выделилась группа излишне ретивых граждан, которые поднялись на площадку перед мэрией и, забравшись на оставленные там бронетранспортеры и грузовики, пробовали ввести их в действие.

Далее группе Сидора штаб обороны поставил новую задачу – выдвинуться к гостинице «Мир» и захватить её. Она была выполнена без жертв.

3-4 октября, 1993

На следующий день, третьего октября, погрузившись на автобусы, спецподразделение «Альфа», в котором служил старший лейтенант Иван Костёр, прибыло к Дому Советов. Из-за сложной обстановки Костёр в последние дни бывал дома лишь наездами. Однако, прослушав сообщение на автоответчике, он понял, что Сидор находится в стане защитников Дома Советов.

В это время по Садовому кольцу к Дому Советов следовало сорок грузовиков и автобусов с военнослужащими МВД, в небе барражировали вертолёты. Напряженность возрастала.

Полагая, что защитникам Дома Советов придётся туго, Костёр волновался за Сидора. Он искал любую возможность для проникновения в Дом Советов, чтобы найти и вывести оттуда друга. На удачу, к переговорам сторон привлекли офицеров «Альфы», которые получили возможность проходить внутрь здания с выделенных подъездов.

Наступил полдень. Вместе с другими заместителями председателя Российского союза ветеранов Афганистана и руководителями региональных организаций по созыву председателя Александра Котенёва Руст прибыл в центральный офис РСВА – особняк, входивший в комплекс зданий главного управления по обслуживанию дипломатического корпуса при МИД РФ в Царицыно. Там, следя за развитием событий и ожидая команды выдвинуться к Дому Советов, он провёл весь день. Всё это время, выстроившись в цепь вдоль огороженной территории, ждали указаний арендованные по случаю автобусы.

Вечером, в 21.00, председатель РСВА Александр Котенёв поручил руководителям организаций обеспечить обязательное прибытие всех членов к зданию Министерства обороны РФ на улице Знаменка, 14/1 – у станции метро Новый Арбат. В промежутке между 22.00 и 23.00 в Москву вошла бронетехника Таманской, Кантемировской и Тульской дивизий. Тогда же Дом Советов покинули последние иностранные журналисты. Тем временем по Ленинскому проспекту через Садовое кольцо в направлении к Дому Советов стягивались коробки из тридцати БТР и сорока грузовиков с личным составом отдельной мотострелковой бригады – бывшей Особой дивизии КГБ СССР.

В 22.30 к зданию Минобороны на автобусе прибыл и Руст. Внутренний двор военного ведомства к тому времени уже заполнили молодые люди в гражданке.

Вскоре из парадной вышел председатель РСВА Александр Котенёв и громко скомандовал:

– Товарищи афганцы! Слушай мою команду: в две шеренги становись! – Ветераны гордо построились. – Равняйся, смирно! – довершил он команды.

В эту минуту к нему подошёл министр обороны РФ Грачёв. Он был спокоен и держался уверенно. Увидев перед собой афганцев и узнав некоторых из них, он заметно приободрился:

— Вольно! — приказал министр обороны.

Котенёв продублировал команду. После этого Грачев произнес напутственную речь:

— Товарищи афганцы! Боевые друзья! Страна сейчас переживает тяжёлые времена. Верховный Совет и Съезд народных депутатов открыто игнорируют власть президента! Руководствуясь личными мелкособственническими интересами, они блокируют здравые законодательные инициативы и назревшие экономические реформы. Они призывают российское общество к неповиновению и открытому противостоянию с верховной властью, ввергая нас в гражданскую войну. Я убеждён, что в этот ответственный момент единственные, на кого действительно может положиться страна и наш президент, это вы! Спасибо вам, что откликнулись на зов и пришли, не обманув надежд президента. Ваша задача состоит в недопущении гибели гражданских лиц — выводе их из Дома Советов и отводе от мест огневого соприкосновения. От имени Верховного главнокомандующего Бориса Николаевича Ельцина благодарю вас за личное мужество и гражданскую позицию!

В этот момент к министру подошёл его заместитель, генерал-полковник Георгий Кондратьев, и доложил, что к зданию Минобороны на Новом Арбате подошла бронетехника Таманской дивизии. Объяснив задачу, Котенёв отдал афганцам команду грузиться на броню БТР и проследовать к Дому Советов. Когда они направились в сторону поджидавших на проспекте бэтээров, Котенёв окликнул идущего замыкающим Руста и, подойдя вплотную, тихонько сказал:

— Не подставляйтесь там! Береги людей!

— Обязательно, Сан Саньч! — с улыбкой пообещал Руст и поспешил догонять товарищей.

Преодолели путь от станции метро «Новый Арбат» до Дома Советов, а затем промчались вдоль фасада до стыка Краснопрес-

ненской набережной и Глубокого переулка. Бронетранспортёры с афганцами подверглись обстрелу, их забросали бутылками с зажигательной смесью.

Сойдя с объётой пламенем брони, Руст с товарищами укрылся за широкими стволами вековых клёнов на пересечении Глубокого и Краснопресненской — по левому флангу от фасада Дома Советов.

Спустя годы по возвращении из Афганистана ветераны вновь окунулись в боевую атмосферу. В этой обстановке их обескураживала собственная безоружность, да так, что было уже не до политических предпочтений. Вернуться живым из-за речки и сгинуть на улицах Москвы — невесело. По параллельной Краснопресненской набережной — Рочдельческой улице, мимо баррикад с конца Глубокого переулка на высокой скорости неслись четыре БТРа дивизии имени Дзержинского. Они попали под обстрел защитников Дома Советов и ответили огнём из башенных пулемётов. Резво повернув машины на Глубокий переулок, дзержинцы направились вниз по уклону до пересечения с Краснопресненской набережной — к месту, где стояли бронетранспортеры Таманской дивизии. Увидев укрывавшихся за деревьями людей, они приняли их за сторонников Дома Советов и открыли по ним шквальный огонь. Стрельба шла отовсюду, нашлась работа и для снайперов, залёгших на чердаках и крышах ближайших к Дому Советов зданий. Пуля, вошедшая сверху в грудь Руста, вылетела из бедра — колени подкосились, и он упал. Его верный товарищ, заместитель Московского городского союза ветеранов Афганистана Равиль Нигметзянов оттащил Руста за дерево и стал осматривать:

— Что у меня? — насилу выговорил Руст.

— Ногу прострелили! — ответил Равиль, увидев источавшее кровь выходное отверстие на бедре.

— Нет! В районе живота!

Равиль расстегнул кожаную куртку, поднял свитер, рубашку и увидел входное отверстие. Аптечки с собой у него не было. Афганцы дотащили Руста до ближайшего военного «Урала-4320» и погрузили в кузов. То,

что Равиль оказался рядом, было большим везением. Он был профессиональным медиком и сумел оценить опасность полученного Рустом ранения. Стремясь как можно скорее доставить его на операционный стол, Равиль прыгнул в кабину к водителю-солдату и прогорланил:

– Гони!!!

– Как зовут?! – спросил Равиль зычно, когда грузовик уже набрал ход.

– Малхаз! – ответил водитель.

– Малхаз, летим на всех парах! – потребовал Равиль.

Они оставили за спиной милицейские кордоны и свернули с Нового Арбата на внутреннюю сторону Садового кольца в направлении НИИ скорой помощи Склифосовского.

Равиль был человеком со стержнем. Крепко сбитый, высокого роста, шатен с голубыми глазами, он был намного старше Руста и других членов городской организации, но никогда не пытался бравировать этим в кругу соратников. В молохе Афганской войны он потерял младшего брата Рината – молодого лейтенанта, едва начавшего службу в войсках после окончания Казанского высшего танкового командного училища. В то время Равиль только защитил кандидатскую диссертацию и был в Татарской обкомовской больнице самым молодым заведующим отделением – реабилитационным. Годом ранее он женился на дочери известной татарской певицы Альфии Афзаловой – Зульфие. Однако трагическая судьба младшего брата не давала Равилю, благополучному и перспективному специалисту, покоя. Он искал возможность отправиться в Афганистан. Однажды в разговоре со своим другом, служившим в ту пору в Ленинградской военно-медицинской академии имени Кирова, Равиль узнал, что 650-й Военный клинический госпиталь 40-й Армии в Кабуле ищет специалиста по восстановительному лечению. Он, не мешкая, направился в Татарский республиканский военный комиссариат и оформил документы для командировки в Афганистан.

До самого дня отправки он скрывал от недоумевавших родных причину, почему оставля-

ет завидное служебное место и летит в командировку в какую-то там Монголию, на самом деле оказавшуюся Афганистаном. Прибыв в Кабульский госпиталь, в кратчайший срок Равиль наладил работу службы реабилитации, регулярно выезжал в местные командировки в Кундуз, Желалабад, Гардез, Кандагар, Шинданд и другие отдалённые регионы.

А теперь задача перед ним стояла одна – успеть довести друга до больницы. Время в пути пролетело быстро. Когда вдаль показался Склиф, а рядом – парадная военная техника с людьми в форме, Равиль сразу всё понял. «Нет, ребята! – подумал он. – Времени на объяснения, кто на чьей стороне и при каких обстоятельствах получено ранение, у нас нет!»

– Сворачивай налево! – приказал Равиль Малхазу. – Уйдём на проспект Мира и заедем с тыльной стороны. Со двора! Я покажу путь.

Малхаз резким движением руля вогнал «Урал» на проспект Мира и, свернув через триста метров направо в Грохольский переулок, объездными путями заехал на задний двор госпиталя. Там в это время из нескольких карет скорой помощи медики перекладывали на каталки множество раненных у Дома Советов.

Равиль и Малхаз выскочили из кабины и, забравшись в кузов, стали вытаскивать истекшего кровью Руста. Увидев это, курившие у входа в приёмное отделение люди в белых халатах всё бросили, быстро подкатили каталку и, погрузив на неё Руста, срочно повезли в операционную.

Равиль сел в кабину грузовика, только когда Руст уже был в руках оперирующего хирурга. Они с Малхазом поспешили обратно к Дому Советов. Интенсивность движения на Садовом кольце в тот момент была низкой, поэтому они быстро добрались до Нового Арбата. Проезжая сквозь милицейское оцепление на пересечении с Конюшковской улицей, Равиль увидел в пространстве между припаркованными автобусами сбившихся в круг ладно экипированных спецназовцев. Он узнал среди них Костра.

– Высади меня здесь! – попросил Равиль водителя и, поблагодарив за помощь крепким

рукопожатием и сто долларовой купюрой, спрыгнул с подножки автомобиля, лязгнув на ходу закрывшейся дверью.

Этот шум заставил Костра обернуться.

— О, Равиль! Ты что здесь делаешь?! — изумился он.

— Да вот, говорят, без берсерков¹⁷ из РСВА никак не обойдутся! — неохотно ответил Равиль.

— А ты чего такой мрачный? — почувал неладное Костёр. — Руст тоже здесь?!

— А с Рустом беда, — сообщил Равиль. — Он в Склифе!

— Что случилось? — заволновался Костёр.

— Подстрелили его! Два часа назад в Глубоком переулке.

— И как его состояние? — спросил Костёр.

Ответ Равиля его ошеломил:

— Критическое.

Костра бросило в жар. Он подробно расспросил об обстоятельствах ранения Руста и разом вспомнил о Сидоре. Мысль, что с ним может произойдёт нечто подобное, если не хуже, стала навязчивой.

Сидор и Костёр имели полярные температуры и разную среду взращения. У одного было трудное детство, он вырос без родительской ласки в ростовском интернате. Второго взлелеяли в любви и заботе в семье московской научной интеллигенции. Но, несмотря на это, Сидор и Костёр стали духовно близки — их связывала какая-то невидимая нить. К тому же Костёр с благодарностью помнил о заветной фляжке воды, которую Сидор пожертвовал ему в горах Кишима. Это был поступок.

— В Склифе, говоришь, сейчас Руст? — переспросил Костёр. — Предлагаю в ближайшие дни навестить его. Поедем вместе?

— Поддерживаю! — согласился Равиль, подумав: «Только нужно, чтобы он ещё выжил!»

Внезапно послышалась команда старшего «Альфы» грузиться на БМД-2¹⁸ тульских десантников, и Костёр, наскоро попрощавшись с Равилем, отбыл на задачу.

Начинало светать.

Руста уже прооперировали и перевели в ре-

нимацию. Пуля калибра 7.62, вошедшая в тело сверху, повредила лёгкое и другие важные органы. В ходе сложной хирургической операции Руст лишился большей части тонкого кишечника, селезёнки, одной почки и вскоре впал в кому. Вероятность, что он останется жив, была, по прогнозам врачей, ничтожна. Но всё же она была.

Тем временем события у Дома Советов перешли в драматическую фазу.

Четвертого октября в 6.30 десять танков Кантемировской дивизии выстроились на Новоарбатском мосту. Прикрывшись щитами, подразделения МВД начали оцепление Дома Советов. В 06.50 к зданию и прилегающей территории вышли верные президенту Ельцину части Таманской, Кантемировской, внутренних войск им. Дзержинского дивизий, 119-го парашютно-десантного полка Тульской дивизии ВДВ и сотрудники смоленского ОМОНа.

Обойдя Дом Советов с тыла и проникнув через разбитые окна внутрь, Костёр с двумя товарищами поднялся на третий этаж, где столкнулся с группой вооружённых людей, в числе которых был и Сидор:

— Бача¹⁹! — прогорланил он.

Сидор обернулся и, что-то сказав товарищам, подошёл.

— Здорово, — ровно поприветствовал Сидор. — И вас привлекли?

— Как видишь! — ответил Костёр. — Сидор, положение у вас патовое! Кадухис²⁰! Танки заняли исходное положение. Будут бить прямой наводкой со всех стволов. Предлагаю тебе, пока не поздно, выйти со мной за оцепление. Я представлю тебя своим агентом.

— Спасибо, Костёр! Но я не пойду! Я здесь с 22 сентября. Мы с парнягами из Приднестровья стали побратимами. Ну как я им объясню свой уход?! Повязан я! Ты давай иди, а там как бог положит, — ответил Сидор.

— Не будь безрассудным! — растолковывал Костёр. — Когда запахнет жареным, ваши дуче²¹ побегут сдаваться наперегонки! Помняи мои слова: у них не хватит мужества застрелиться! А вас, рядовых поборников, перебьют

как куропаток. С мёртвых спроса не будет, а пленных и раненых вряд ли пощадят!

Сидор был непреклонен. Поняв бессмысленность уговоров, Костёр с тяжёлым сердцем оставил здание.

Вскоре по верхним этажам начали прицельно бить танки Т-80. На верхних этажах вспыхнул пожар. К оружейным залпам присоединились пушки бронемашин и стучавшие очередями зенитных установок КПВТ²² бронетранспортёры. Одновременно с разных сторон короткими перебежками к Дому Советов двинулись армейские мобильные группы, вошедшие в плотное огневое соприкосновение с его защитниками.

Жертвы с обеих сторон исчислялись уже сотнями и продолжали расти. В определённый момент по достигнутой между противоборствующими сторонами договорённости для выхода из Дома Советов политиков, женщин и детей огонь был временно прекращён.

Однако вскоре огонь вспыхнул с новой силой. Сторонники Верховного Совета, удерживавшие здание мэрии, прикладывали все усилия, чтобы прорваться на помощь Дому Советов. Всё оказалось безуспешно.

В 14.00 огонь стих. С тыльной стороны здания защитники начали выносить раненых и убитых. Пользуясь моментом, Костёр повторно проник в здание. Он взмыл по лестнице вверх, поднимаясь с этажа на этаж. Пробегая по длинным коридорам и кабинетам, Костёр вглядывался в застывшие в разных позах обгоревшие и бездыханные тела, но Сидора среди них не находил. И вот, взойдя на очередной этаж, почти отчаявшийся Костёр увидел сквозь марево задымлённого коридора силуэт человека. Он сидел, прислонившись спиной к стене, опустив голову. На его раскинутых, изрешечённых осколками окровавленных бёдрах лежал «АКС-74»²³. Это был Сидор. Услышав шаги, он попытался сфокусировать взгляд и нацелить на подходившего к нему человека своё оружие, но сил для этого у него не было.

— Отставить! Свои! — проронил подсевший к нему Костёр. Защёлкнув предохранитель, он убрал автомат Сидора в сторону,

спросил глухо: — Ну что, паладин²⁴, сбылись мои пророчества?..

Сидор его не слышал.

— Надо уходить! А то неровен час пристрелят — не свои, так чужие! — Костёр взвалил на плечо истекавшего кровью Сидора и стал спускаться по лестнице.

Когда он вышел из здания, к нему сразу подкатила карета скорой помощи. Сидора тут же подхватили медики и положили его на носилки.

Костёр подошел к их старшему и, показав удостоверение офицера «Альфы», попросил поскорее доставить раненого в стационар. А сам вернулся к автобусам своего подразделения.

Спустя короткое время Костёр и его товарищи, сидя на броне БМД-2, возвращались с задания, следуя по Дружинниковской улице в направлении Дома Советов. На ставшем в дни противостояния опасным участке дороги они услышали стрельбу и увидели спрятавшуюся за телефонной будкой женщину с маленьким ребёнком. Под прикрытием брони спецназ вывел их с обстреливаемой зоны и эвакуировал в безопасное место.

Их машина возобновила ход. Проехав небольшое расстояние, вновь стала замедляться. У края проезжей части лежал раненый. Костёр на ходу спрыгнул с брони и, схватив солдата за руку, стал тащить его к машине. В этот момент с крыши одной из ближайших высоток по Костру выстрелил снайпер. Ранение оказалось смертельным.

Четвертого октября 1993 года, в 17:00, благодаря участию в переговорном процессе офицеров спецназа «Альфа» и «Вымпел» защитники Дома Советов сдали оружие и, закинув за голову руки, покинули здание.

Как и предрекал Костёр, их лидеры, воззвавшие иностранных послов предоставить им гарантии личной безопасности, думали только о себе.

Примечания

- 1 Рекогносцировка — разведка, обследование местности.
- 2 Штопарь — грабитель.
- 3 Споборитель — соратник.
- 4 Впрасол (*псковск.*) — сомнительно, едва ли.
- 5 Встямить — вспомнить.
- 6 Ракалия — негодяй, мерзавец.
- 7 Акарёнок — низкорослый человек.
- 8 Габитус — внешность, наружность.
- 9 Ляган — узбекская тарелка для плова.
- 10 Девзира́ — группа сортов слабошлифованного риса.
- 11 Мшак — сорт желтой моркови.
- 12 Апропо — кстати, к слову.
- 13 Авгур — жрец, прорицатель у древних римлян.
- 14 Принцип ахимса — древнеиндийский принцип поведения, в основе которого желание не причинить кому-либо зла; ненасилие над живым существом.
- 15 Мегаломания — мания величия.
- 16 ЗИЛ-131 — среднетоннажный грузовой автомобиль повышенной проходимости; спецтехника.
- 17 Берсерк — воины из древнегерманской и древнескандинавской мифологии; слово ис-

пользовалось как позывной у бойцов группы «Альфа».

18 БМД — 2 — гусеничная плавающая машина.

19 Бача (*афган.*) — парень, друг.

20 Кадухис — беда, на беду.

21 Дуче — лидер, руководитель.

22 КПВТ — крупнокалиберный пулемёт Владимирова танковый.

23 АКС-74 — автомат, вариант автомата Калашникова.

24 Паладин — рыцарь, поборник идеи.

Ильяс ДАУДИ —

писатель,

общественный деятель, участник Афганской войны (1979– 1989).

Пишет прозу, публицистику.

Публиковался в изданиях Министерства обороны РФ — в журнале «Армейский сборник», газете «Красная Звезда», а также в литературно-художественных изданиях, в том числе в журнале «Север».

Лауреат XI Всероссийского литературного конкурса Центрального дома Российской армии Минобороны РФ (2017)

в номинации «Проза и драматургия».

Член Союза писателей России.

Удостоен звания «Герой Российской Федерации».

Живет в Москве.

